

† А. Ф. Горевъ.

Звукъ трубы сигналъ подаетъ,
Время жениться намъ настаетъ
Ты же скажи, что ты любишь меня
Я—отдамъ—всю жизньъ за тебя.

Пѣли всѣ гнусавя, отчеканивая послѣднюю фразу. А. Ф. былъ въ роли дирижера.

Время тянулось... Кумысь, измѣреніе температуры, лежаніе на солнцѣ—все это приежилось Гореву.

Но все же онъ радовался, какъ ребенокъ, хвастался вѣдь, что температура у него нормальная.

«Я даже записывать бросилъ».

И ему казалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ здоровъ.

Помню, какъ-то мы сидѣли за вечернимъ чаемъ. А. Ф. перебиралъ больныхъ и объ одномъ сказалъ:

«Смотрите, вѣдь вотъ совсѣмъ умиралъ, а какъ хсдутъ теперь».

На это одинъ студентъ, очевидно не зная, что Горевъ сильно боленъ, отвѣтилъ ему.

«Да вотъ и у васъ, батенька, докторъ говорилъ, легкаго нѣтъ, а вѣдь ничего, бѣгаете».

Насъ всѣхъ передрнуло. Горевъ измѣнился въ лицѣ и упавшимъ голосомъ произнесъ:

«Ну, не врите».

Мы всѣ стали увѣрять Горева, что напротивъ—докторъ сѣмъ его здоровье въ примѣръ ставитъ.

Но чувствовалъ себя А. Ф. хорошо, онъ уже выѣзжалъ съ нами въ лѣсъ на пикникъ, дурилъ неимоверно, возвращался пѣшкомъ и даже не задыхался.

Этотъ милый ребенокъ «Пока», какъ мы иногда его звали, совершенно преображался, когда вечеромъ часовъ въ 8 мы усаживались меленькой компаніей въ нашу «гостиную» (2 скамейки, поставленныя другъ противъ друга) и онъ начиналъ разсказъ. Онъ любилъ больше говорить, чѣмъ слушать. Часто говорилъ онъ объ отцѣ, о всевозможныхъ случаяхъ съ нимъ, вплоть до потрясающаго разсказа о его нуждѣ, о помощи Стасова. Онъ любилъ говорить объ отцѣ и никогда не говорилъ о матери. Какъ-то разъ я спросила его, отчего я никогда не слышу отъ него о матери.

«Это оттого, отвѣтилъ онъ мнѣ, что отецъ у меня въ голвъ, а мать—вотъ здѣсь», и онъ показалъ на сердце.

Но любимымъ предметомъ разсказовъ былъ Художественный театр. Вообще въ разсказахъ онъ была великолѣпнень, но когда рѣчь шла о театрѣ—образы оживали.

Въ разсказахъ о lapsus'ахъ актеровъ вообще и Станиславскаго въ частности было столько юмора, что мы покатывались отъ смѣха.

За Станиславскимъ идетъ Вишневскій съ его склонностью «по своему» передавать анекдоты—и снова смѣх.

Все это разсказывалось такъ интимно, съ такой любовью...

Даже мытарства А. Ф., послѣ того, какъ ему поручили роль Хлестакова, его неумѣніе взять вѣрный тонъ и наконецъ озарившее его вдохновеніе—все это передавалась безъ горечи,

безъ боли, съ дѣтской задумчивостью.

Станиславскій и его театръ были для Горева «святымъ мѣстомъ».

Часто онъ указывалъ намъ на какой-нибудь отрывокъ и задавалъ вопросъ: «А вы думаете, какъ произносить это Станиславскій?» И, конечно, мы говорили не такъ. Нѣсколько фразъ, сказанныхъ Горевымъ въ мягко-задушевныхъ тонахъ, и передъ нами воскресалъ Художественный театр...

Здоровье его, между тѣмъ, настолько окрѣпло, что докторъ разрѣшилъ ему принять участіе въ спектаклѣ. Игралъ онъ въ водевилѣ «Которая изъ двухъ». Публика наѣхала даже изъ сосѣднихъ помѣстій. Оваціямъ, казалось, не будетъ конца. Вызывали, кричали, подносили вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ—словомъ степенная публика обзовѣла.

Горевъ сталъ читать «Сумасшедшаго» Апухтина. Мы нѣсколько боялись за исходъ. Неожиданнымъ было рѣзкое повышение голоса и докторъ волновался за пациента. Но вотъ Горевъ кончилъ. Сейчасъ же его увели домой, заставили лечь. Все обошлось, къ счастью, благополучно.

Скоро предстоялъ отъѣздъ. Передъ отъѣздомъ, онъ сталъ неузнаваемъ. Онъ ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ иномъ не говорилъ, какъ только о поѣздкѣ по Волгѣ, о томъ, что тамъ онъ будетъ уже не «кумысолечебникъ», а пассажиръ I класса, о томъ, какъ онъ будетъ кричать: «Че-ла-экъ, шампанскаго!» Мы смѣялись надъ нимъ, называли его Хлестаковымъ, пытались было убѣждать его, пугали, что все лѣченіе пойдетъ на смарку; но это было даже, пожалуй, жестоко—столько было дѣтской радости въ предстоящей свободѣ отъ санаторской жизни.

Наконецъ день отъѣзда насталъ. Горевъ одѣтъ по столичному и даже въ котелкѣ. Мы смѣемся надъ этимъ котелкомъ, говоримъ, что онъ похожъ на негра. Коляска подана. Послѣднее прощанье. Быстро катитъ тройка подъ гору. Еще разъ мелькнулъ платокъ и нѣтъ Горева... Грустно... На второй день получаемъ письмо. Пишетъ: «Рвусь неудержимо въ Москву. Наконецъ-то все, хотя и мелкое, но послѣ 2½ м. сидѣнья—крупное подъ руками. Стерляди, икра и пресловутый «челазкъ». Ваше здоровье!!!»

Милый, милый Горевъ. Изъ міра ушла дѣтская душа, таившая въ себѣ столько надеждъ, столько радости...

Л. Щелова-Хейсинъ.

А. Ф. Горевъ родился въ 1889 г. въ Москвѣ. Воспитывался сперва дома, а затѣмъ въ Петербургѣ, въ нѣмецкой гимназіи. По выходѣ изъ гимназіи, онъ въ теченіе года выступалъ въ качествѣ любителя. Дебютъ въ Художественномъ театрѣ состоялся въ январѣ 1907 года въ роли Фридера въ «Молодежи» Дрейера. Затѣмъ А. Ф. выступалъ въ рядѣ мелкихъ ролей; въ «Драмѣ жизни», «Жизни человѣка», «Борисѣ Годуновѣ», «Синей птицѣ». Первой, да и послѣдней его большою ролью былъ Хлестаковъ въ «Ревизорѣ». Роль эта очень удалась покойному и выдвинула его какъ артиста.

Туберкулезъ легкихъ обнаружился у него прошлою весною и быстро сталъ развиваться. Его отправили въ Крымъ. Тамъ ему стало лучше. Но какъ только появились силы, онъ вернулся въ Москву, въ театръ, гдѣ какъ-разъ начались предсезонныя работы. Ему даже дали отвѣтственную роль Смердякова въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», но прошелъ мѣсяць, и неутомимая болѣзнь снова напомнила о себѣ.

Горева отправили въ Швейцарію, гдѣ онъ и скончался въ Лейсенѣ, близъ Монтрѣ.

А. Ф. Горевъ читаетъ стих. Апухтина «Сумасшедшій», въ кумысолечебницѣ «Царскій Даръ», Сам. губ.